

КОМУ ПАМЯТЬ, КОМУ СЛАВА, КОМУ ТЕМНАЯ ВОДА...

Глава из романа «Генерал и его армия»,
не вошедшая в журнальный вариант («Знамя», 1994, №№4—5)

Георгий Владимов.

панные песком или наполовину в воде. Распластавшись, как большая жаба, он вбирал в окуляры и в глаза всё бывшее перед ним — плёсы, заводи, островки с зарослями камыша и осоки, всю широкую серебристо-чешуйчатую ленту Днепра и — на том его берегу — завалы из брёвен и мешков с песком, стволы орудий и крупнокалиберных пулемётов, башни танков, обложенных землёй и булыжником.

Он смотрел на руины без той горечи, какую обычно предполагают и о какой принято говорить. Он не видел Предславля довоенного, существовал для него только этот, теперешний, — и волнение его было иного рода. Само необозримое нагромождение развалин говорило о величии города — наверное, самого большого из отданных немцам. О древности его он вычитал из армейской газетки, где бывший историк, а ныне военный корреспондент, рассказывал, приводя цитаты из летописи — и, поди, наизусть шпарил, не таскал же он эту летопись в полевой сумке! — что город основали трое братьев — Кий, Хорив и Щек — и сестра их Предслава; в честь её и назвали братья маленькое поселение, ещё не ведая — или всё же предчувствуя? — что из этого поселения вырастет. Было нечто трогательное и волнующее в том, что великий город сберёг имя женщины, от которой не то что костей, а пыли, наверное, не осталось; слышалось в её древнеславянском имени предвстие, предчувствие славы, и невольно думалось, что и его имя как-нибудь свяжется с этим городом; где-нибудь там, под завалами, лежит его улица или даже площадь его — и тем оправдано будет, испулено всё горестное, униженное, страшное, что было в его жизни. Он чувствовал жар в лице, дрожь вспотевших ладоней, сжимавших бинокль, и страшился что-то спугнуть; казалось ему,

ду, а пуля — очень даже перелетит.

— Ты смотришь или не смотришь?

— Смотрю. И хоть бы плащпалатку подстелили. Застудите грудь, кашлять будете.

— Пошёл назад, — сказал генерал, отнимая бинокль. — Карту сюда тащи, быстро! И карандаш с циркулем. И этот... как его?..

— Знаю, — сказал Шестериков, отползая ногами вперёд. — Курвиметр.

Генерал, снова и снова впиваясь взглядом в ангела с крестом, в золотящийся под облаками купол, в предмостные укрепления, спрашивал себя, повезло ли ему, что вышел со своей армией напрямую к Предславлю. Кто не мечтал, кто не просил командование фронтом, не писал прошений в Ставку, чтоб разрешили взять Предславль? Чем ближе к нему придвигался фронт, тем больше ощущал генерал Кобрисов как бы давление на фланги своей армии — так в тройке приставляя его сместиться, и только оттого он не смещается, что каждая из них уравнивает другую. Выпало ему оказаться этим коренником — и лишь затем выйти к великому Предславлю, чтоб любоваться им через реку и не мочь ничего. Форсировать реку на виду у города, да даже и на десять километров выше или ниже по течению, — мысль эта, хоть и казавшаяся безумной, а всё же мелькавшая, сменилась при близком рассмотрении досадой на глупые свои мечтания. Здесь он положит половину армии — и не захватит ни метра земли на том берегу, даже и на малом островке. Свой «Восточный вал» немцы готовили долго и тщательно, здесь каждая руина стала ДОТом, орудийной позицией, пулемётным гнездом, не говоря о плавучих минах, выставленных на якорях под самой поверхностью реки. Высаженный

батальон — если чудо ему поможет высадиться, — любой «Юнкерс» погребёт одной бомбой, не чересчур тяжёлой, и для метания он зайдёт так низко над улицей, что его не упредишь. Если б хоть он располагался в низине, трижды желанный и треклятый этот Предславль, но он стоял на господствующих высотах, как и подобало стоять великому русскому городу, и в том были и вся красота его, и неприступность!

Так вывела генерала Кобрисова его судьба, или его кривая, к самому Предславлю, чтоб стоять перед ним в готовности — на тот невероятный случай, если б фельдмаршалу Эриху фон Штайнеру, командующему группой армий «Украина», вздумалось переправиться обратно и запереть с востока взятый уже плацдарм у села Сибез. Вся задача Кобрисова и была — пусть Ставка это вспомнит, учтёт! — лишь подстраховывать левого своего соседа, 40-ю армию Терещенко, вышедшего не напрямую, а на восемьдесят километров ниже по течению. Почему-то так складывалось, что уже весь фронт обязан был работать на одного Терещенко, и когда очевидно стало всем и сам он перестал сомневаться, что одной его армии в Сибезе не управиться, её не вытянули оттуда, но бросили ей в подмогу ещё соседнюю 27-ю генерала Омельченко, а следом и почти всю танковую Рыбко. Что же до армии Кобрисова, пока не задействованной, он всё чаще подумывал с беспокойством, что и от неё рано или поздно станут отрывать куски для той же ненасытной прорвы, в какую превратился Сибезский плацдарм, старательно уготованная фон Штайнером ловушка, где вся техника наша увязла в лесах и болотах, и они всё наполнялись гниющими телами, а наступление никак не могло начаться. Участь быть растраченной попусту ещё не затронула армию Кобрисова, однако висела над нею реальной угрозой. И ту мысль, что пришла ему в голову, когда он смотрел на чёрного ангела с крестом и на купол собора, снявший чуть потускневшей или просто закопчённой позолотой, следовало продумать и провести в дело как можно скорее.

Нидернхаузен

Продолжение следует.

53

Если для адъютанта Донского, если для водителя Сиротина и ординарца Шестерикова всё то, что случилось с генералом, случилось бесповоротно, то для него самого как будто ещё продолжалось подвластное ему действо, которое он мог вновь и вновь переигрывать, ища и находя более выигрышные ходы. Вероятно, он занимался самым бесполезным делом — планированием прошлого, но в генерале Кобрисове эта работа происходила помимо его воли, к тому же он вынужден был ею заниматься. Мало того, что с каждым часом он всё больше отдалялся от армии, потеря которой означала для него потерю всего, что, как ему казалось, привязывало его к жизни, но ему ещё предстояло держать ответ перед Ставкой, претерпеть унижительную процедуру, которой не он первый подвергался: в непринуждённой беседе, где ему отводилась роль наглядного пособия при разборе оперативной ошибки, рассказать, ничего не утаивая и не ища оправданий, о своих промахах, после чего ему на них с торжеством укажут и вынесут вердикт, им же самим подготовленный и разжёванный: «Вот за это мы вас и снимаем».

Он живо, в режущих глаз подробностях, представлял себе огромный кабинет, обшитый дубовыми панелями, длинный стол под зелёным сукном и Верховного, неторопливо похаживающего по ковровой дорожке, посасывая мундштук погасшей трубки и время от времени перебивая общий разговор язвительной репликой. Что рассказать им всем, поворачивающим головы вслед за его похаживаниями, жаждающим хоть за минуту предугадать его решение?

Не начать ли с того, как в один из последних дней августа возник в окулярах стереотрубы огромный город на том берегу, весь в горах кирпича и обломков железобетона, дымящиеся развалины проспекта, наклонно и косо выходящего к Днепру, и чёрный ангел с крестом на плече, высоко вознесшийся над зелёным холмом, над кущами парка? Вернее, это так выглядело, как будто ангел, устав нести к реке тяжёлый крест, упёр его в землю колом и отдыхал, приваливаясь к нему и опустив голову. Далеко позади него, в синеватой утренней дымке и непогасших дымах вчерашней бомбёжки, посверкивали позолотой луковки звонницы и четырёхбоковых куполов и гигантский главный купол, с дырою от снаряда, чудом не разорвавшегося внутри. Нет, никакой Бог не искривил пути снаряда, но прав оказался древний строитель, верно, наперёд знавший, что всему преходящему, сколько б его ни настроили потом, суждено погибнуть, а это — останется. Казалось, один его белый храм и высился целый над морем каменного мусора. Этого не объяснишь бережностью артиллеристов или пилотов, фугасы — свои и чужие — ложатся одинаково густо по всем квадратам, а церквям ещё достаётся особо за их удобство для наблюдателей, но — секрет ли тут каменной кладки или заговорённость, а только снаряды, попадая в стены, не рушат их, лишь отбивают углы да просверливают дыры. Вот это — интересно им будет послушать? Или тут же перебьют насмешливо? А ещё можно упомянуть лепнину старинных домов, повисшую над пепелищем, обнажившиеся пролёты лестниц и внутренность бывших жилищ, и над всем господствующее траурное сочетание — малиновую красноту кирпича и чернь окалины и копоти. И нужно ли добавлять, как всё виденное обжигало глаза и как звенели в ушах толчки сердца?

Не совладав с волнением, он покинул окопчик наблюдателей и пополз с биноклем к пустынному пляжу, где ещё сохранились красные, голубые, жёлтые, зелёные кабинки и лежаки, а возле спасательной станции — лодки с расстресканными бортами, полузасы-